

МАЙК ГЕЛПРИН
ЮЛИЯ ГОФРИ

УЦЕЛЕВШИЕ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г31

Разработка серийного оформления
А. Саукова, А. Дубовика
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Гелприн, Майк.
Г31 Уцелевшие / Майк Гелприн, Юлия Гоффри. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с.— (Магические ле-
генды).

ISBN 978-5-699-93757-8

Тысячи лет древняя раса йолнов паразитирует на людях. Йолны переселяются из одного человеческого тела в другое, при этом убивая своих носителей. Люди ненавидят йолнов, но все ли из них заслуживают ненависти?..

У жителя Санкт-Петербурга Антона Самарина пропала жена. Через два года ее труп обнаружили в Магадане, но почему покойница, которой нет и тридцати, выглядит так, будто прожила длинную бурную жизнь? И почему перед смертью она находилась рядом с женщиной, которая теперь тоже числится в розыске? Антон не верит доводам следователя и оперативников, он готов вести самостоятельное расследование, и однажды в его квартире раздастся звонок...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93757-8

© Гелприн М., Гоффри Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава первая

В девять пятнадцать утра телефонная трель вырвала Антона Самарина из сна.

— Машина уже выехала, Антон Петрович, — раздался голос Пахомова в трубке. — Так что собирайтесь и ждите, скоро будет.

— Чего ждать? — не понял спросонья Антон. — Какая машина, куда выехала, зачем?

— За вами выехала, — уточнил Пахомов. — Собирайтесь, пожалуйста, на месте я вам все объясню.

Милицейский «фордик» подкатил к подъезду ровно в десять утра.

— Куда едем? — спросил Самарин, усаживаясь на пассажирское сиденье и пожимая руку сержанту-водителю.

Тот нахмурился, бормотнул что-то невнятное и дал газу. Цель поездки, впрочем, выяснилась уже через полчаса, едва «фордик» свернул с Пискаревского по направлению к больнице Мечникова. Пахомов ждал у дверей больничного морга. Антон вылез из машины и на негнущихся ногах двинулся навстречу следователю.

— Крепитесь, Антон Петрович, — угрюмо сказал Пахомов и ухватил Самарина за локоть. — Пройдемте.

Опознать Ольгу было нелегко. Стиснув зубы, дурея от запаха формалина и едва сдерживая подсту-

пающие к горлу спазмы, Антон Самарин смотрел на то, что осталось от его жены и от его счастья. Ольга... перед ним, бесспорно, лежала Ольга. И в то же время...

— Это не она, — хрипло выдохнул Антон. — Не может быть, что это она!

Лицо покойной выглядело так, словно лет ей было по меньшей мере вдвое больше, чем на сегодняшней день Ольге.

— Увы, это все же она, — пробивалась сквозь на-ползающий на сознание туман скороговорка Пахомова. — Нашли в Магадане... В сквере, на скамье... Четыре дня тому... Опознали по розыскным фотографиям... Возрастные данные не сошлись... Вскрытие, однако, показало... Острая сердечно-сосудистая недостаточность... Инфаркт... Доставили в Санкт-Петербург самолетом...

— Самолетом, — механически повторил Антон. — Боже, зачем?

— Антон Петрович, вам нехорошо? Вас сейчас же отвезут домой, я распоряжусь, только, пожалуйста, вот здесь распишитесь.

— Не надо, — сквозь зубы проговорил Самарин. — Не надо домой. Давайте я подпишу. Вы поезжайте, я хочу побыть один.

— Хорошо, конечно, конечно, — заторопился следователь. — До свидания, Антон Петрович, всего доброго вам.

С трудом преодолевая накатившую сердечную боль, Антон Самарин проплелся метров сто по больничной аллее и тяжело опустился на первую попавшуюся скамейку. Достал сигареты, закурил, боль немного отпустила. Он только сейчас заметил, что плачет, — слезы набухали в уголках глаз и медленно скатывались по щекам к подбородку.

Ольга исчезла два года назад. Выскочила к метро за сигаретами, бросив в дверях, что через десять минут вернется. Час спустя начавший нервничать Антон помчался к метро, оглядываясь по сторонам и злясь, уверенный, что вот-вот увидит жену, заболтавшуюся со случайно встреченной подругой. Еще через полчаса он вернулся домой, схватил телефонную трубку и принялся названивать жившим поблизости знакомым, а затем и всем приятелям, друзьям и сослуживцам. Никто ничего не знал. К полуночи, кое-как уложив детей, Антон позвонил Ольгиным родителям. Сорока минутами позже они примчались на такси. К тому времени Самарин обзвонил больницы и морги: никакой информации. В полтретьего ночи рванул с тестем в районное отделение милиции. Там сонный сержант нудным голосом объяснил, что дела об исчезновении родственников возбуждаются самое раннее по истечении трехдневного срока со дня пропажи, а до тех пор особых оснований волноваться и переживать нет.

— Всякое бывает, — неторопливо бубнил сержант. — Пропадет дамочка — большое ли дело? Погуляет да и назад вернется. Дело, дорогие граждане, житейское, бабское.

Антону показалось, что ему дали пощечину. Мир помутился вдруг, расплылся, затем и вовсе исчез, и Самарин пришел в себя лишь от заполошного сержантского крика.

— Ты что творишь?! — орал тот. — Руки прими! Руки прими, я сказал!

Антон пришел в себя и обнаружил, что стоит перегнувшись через барьер и ухватив побагровевшего сержанта за грудки. Он разжал пальцы, отшатнулся, и подоспевшие на шум милиционеры дежурной смены надевать на него наручники не стали.

В виде исключения дело возбудили и передали в прокуратуру на следующий же день — этого добился нанятый за сумасшедшие деньги адвокат. В прокуратуре дело принял старший следователь Пахомов. За поиски он взялся рьяно: двое приданных следователю оперативников за сутки обошли квартиры дома Самариных и опросили жильцов. Следующие сутки ушли на опрос владельцев окрестных собак, выгуливающих питомцев на пустыре между домом и станцией метро «Проспект Просвещения». На третий день сняли показания с полубеспризорных подростков, вечно отирающихся под грибком на примыкающей к пустырю заброшенной детской площадке. Никаких результатов, однако, эти опросы не дали. Ни любознательные старушки-соседки, ни собаководельцы, ни кандидаты в колонию для малолетних не видели женщину двадцати восьми лет в желтом плаще, путь которой неминуемо должен был пройти через пустырь.

Антон взял отпуск и первое время не вылезал из прокуратуры, так что Пахомову зачастую приходилось от него прятаться. Сначала Самарин верил, что Ольга найдется, потом — заставлял себя верить... Одну за другой он выдвигал сумасшедшие версии, пытаясь убедить себя, что произошло нечто совершенно невероятное, но все же возможное, и донимал этими версиями следователя.

— Бывает, и так бывает, — авторитетно подтверждал Пахомов гипотезу о похищении Ольги инопланетянами. — С мое бы послужили, знали бы, что и не такое бывает. Вы бы шли домой, Антон Петрович, нечего здесь сидеть, надо будет — я сам вас обязательно вызову.

Вечерами опустошенный, одуревший от бессонницы Самарин возвращался в пустую квартиру

(детей забрали Ольгины родители) и глушил себя водкой. Пил один, заедая чем придется, до тех пор, пока было что пить или пока не валился пьяным в постель.

От помощи друзей он отказывался. Антона мутило лишь от мысли о том, что придется переносить чье-то наигранное сочувствие. Он не мог и не хотел никого видеть, даже детей. Пару раз приезжала мгновенно постаревшая на десяток лет Ольгина мама, привозила немудреную провизию. Он скупно благодарил и, обменявшись с тещей парой ничего не значащих фраз, вновь уходил в себя. Отношения с родителями жены всегда были натянутыми.

На десятое утро после исчезновения жены забывшегося пьяным сном Антона разбудил настойчивый звонок в дверь. С трудом заставив себя подняться, он поплелся открывать.

— Дядя Антон, — кричал за дверью Вовка, соседский мальчонка, — дядя Антон, мама сказала, чтобы вы на улицу срочно шли! Там милиция приехала, что-то говорят про тетю Олю.

В чем был, Самарин метнулся вон из квартиры, оттолкнул Вовку, скатился вниз по лестнице. Перед подъездом собралась редкая группа жильцов, которую теснил в сторону участковый. Неподалеку приткнулась «Скорая помощь» с распахнутой настежь задней дверью, в нее двое санитаров подавали крытые белой простыней носилки. Третий — в кузове, снаружи не видимый, — принимал.

Антон рванулся. Продрался сквозь стайку соседей, оттолкнул стоявшего на пути участкового и бросился к носилкам.

— Назад! — заорал ему в спину милиционер. — Назад, я сказал, сука!

Не обращая внимания, Самарин в три прыжка преодолел расстояние до «Скорой» и рванул покрывающую носилки простыню...

Очнулся он лежащим на тротуаре навзничь, с разбитым в кровь лицом и не фокусирующимся зрением — перед глазами расплывались радужные круги. Но Антону было на это плевать, и даже зла на приложивших его санитаров он не держал. Страшное раздутое лицо старой мертвой бомжихи, которое он увидел, сдернув простыню, не имело ничего общего с Ольгиным... все остальное по сравнению с этим было не важно.

— Жена у него пропала. Из дома вышла и не вернулась, двух недель еще нет, — донесся до Антона голос соседки, объясняющей ситуацию участковому. — Извелся он весь, бедный, такое горе, господи. Двое детей. Танечка нынче в школу пошла, а Димка — тот на год младше. Сиротки.

Последнее слово прозвучало как приговор. Именно в этот момент Антон отчетливо понял, что Ольга не вернется. Никогда.

Через три дня он получил повестку в прокуратуру. Переступив порог, Самарин побрел к столу, вяло пожал следователю руку и безразлично опустился на стул.

— Скажите, Антон Петрович, — Пахомов протянул фотографию, — вам знакома эта вещица?

Антон едва не выхватил снимок у следователя из рук. На фотографии был браслет — его подарок Ольге на годовщину свадьбы. Серебряный, сделанный по заказу, с застежкой в виде пальмовой ветки с качающейся на ней обезьянкой. Он сам рисовал ювелиру эскиз этой застежки.

— Это Олин браслет, — Антон почувствовал, что вновь обретает утраченную надежду. — Он

был на ней, когда... Откуда он у вас? Вы нашли его? Или...

— Не волнуйтесь, Антон Петрович, — проигнорировал вопросы Пахомов и протянул новую фотографию. — Ничего страшного пока не случилось. Скажите, вы знаете эту гражданку?

На снимке была запечатлена стройная молодая женщина в пестром сарафане, небрежно опирающаяся на парапет набережной. В ее облике было что-то неуловимо знакомое, однако Антон мог бы поклясться, что не знает ее.

— Я не знаком с этой женщиной, — сказал он хрипло. — Никогда ее раньше не видел. Прошу вас, ответьте на мой вопрос. Это же Олин браслет. Откуда он у вас?

— Да, браслет ее, — подтвердил следователь. — Ваша теща его уже опознала. Откуда он у меня, я расскажу вам несколько позже. А вот насчет женщины вы не совсем правы — вы ее видели. Это Тамара Олеговна Пегова, жительница Омска, исчезнувшая и объявленная в розыск около трех лет тому назад.

— Клянусь, не знаю никакой Пеговой, — Самарин с силой саданул воздух ребром ладони.

— Не горячитесь, Антон Петрович, — Пахомов поморщился. — Вы не знаете Пегову, и я вам верю. Но вы тем не менее ее видели. Три дня назад ее труп обнаружили в подвале вашего дома. А браслет — на нем, кстати, сломана застежка... Та самая, с обезьяной. Так вот браслет вашей жены оказался при ней.

— О Господи, — опешил Антон. — Пойдите, но я видел старую опустившуюся бомжиху лет, по крайней мере, шестидесяти. Возможно, даже старше. Мертвую. Я видел ее секунду или две, потом...

— Я знаю, что случилось потом, — прервал Пахомов. — Это не суть важно. Вот что получается,

Антон Петрович. По результатам вскрытия Пегова умерла в тот самый день, когда исчезла ваша жена Ольга Самарина. Ольга покинула квартиру без четверти десять вечера, и больше ее никто не видел. А Пегову как раз видели. По крайней мере, трое свидетелей, в десятом часу, то есть незадолго до исчезновения вашей жены, и в непосредственной близости от вашего дома. Вас это не наводит на размышления, Антон Петрович?

— Вы на что намекаете? — Кровь бросилась Антону в лицо. — Вы что же, хотите сказать, Оля убила эту старуху? Вы... вы... — Самарин привстал со стула и, опершись руками о край стола, навис над следователем.

— Успокойтесь, — Пахомов резким движением поднялся на ноги. — Сядьте немедленно!

Антон опустился на стул, он уже мало что сообщал и лишь оторопело глядел снизу вверх следователю в лицо.

— Так-то лучше, — хмыкнул Пахомов. — Никто ни вас, ни вашу жену ни в чем не обвиняет. К тому же Пегову не убивали. Она, к вашему сведению, умерла естественной смертью.

— Естественной смертью? Тогда при чем тут Ольга? Ах да, — Антон понурился, растерянно протер глаза тыльной стороной кисти руки. — У Пеговой был Ольгин браслет. Извините, я мало что понимаю. Отчего она умерла?

— По заключению врачей — от острой сердечно-сосудистой недостаточности. На момент смерти Тамаре Пеговой было двадцать девять лет. Но состояние организма — как у семидесятилетней старухи. Скажите, вы не замечали за вашей женой каких-либо странностей перед ее исчезновением? Может быть, она волновалась? Звонила кому-нибудь незнакомому или звонили ей?

— Вы сотню раз задавали этот вопрос, — ответил Самарин устало. — Еще раз повторяю: нет, нет и нет.

— Хорошо, Антон Петрович. Спасибо, вы можете идти. Я буду держать вас в курсе.

Следователь вызывал Самарина еще несколько раз, снова затевал разговор о браслете, о покойной Пеговой, о поведении Ольги. А потом и вызывать перестал. До того самого утра, когда позвонил и сообщил, что выслал машину. Со дня исчезновения Ольги прошло уже больше двух лет...

За эти два года Антон Самарин, сильный, спортивный, уверенный в себе мужик, любящий муж и отец, превратился в угрюмого и неопрятного нелюдима, алкоголика без определенных занятий и планов на будущее.

Он искренне считал себя однолюбом и счастливым человеком. Через восемь лет после свадьбы он любил жену ничуть не меньше, чем в медовый месяц. Они с Ольгой, казалось, были созданы друг для друга. Антону никогда и в голову не приходило закрутить роман на стороне, хотя возможностей хватало с избытком. Исчезновение жены не просто подкосило его, а полностью вышибло из-под ног опору.

Какое-то время Самарин заставлял себя ходить на службу в банк, где был на хорошем счету и где ему прочили в скором будущем должность начальника инвестиционного отдела. Но работа валилась из рук, он стал делать ошибки, и все чаще и чаще приходилось под сочувственные взгляды сослуживцев получать выволочки от начальства. Около года такое положение вещей терпели. Наконец, Антона вызвали к кадровику, и тот, пряча глаза, предложил написать заявление по собственному желанию.

Работы не стало, а вместе с ней не стало причины следить за собой и держать себя в руках. Антон Самарин сломался. Опустился и пошел ко дну. Сейчас, после того, как смерть Ольги подтвердилась официально, он, сидя на скамейке в больничном парке и жадно втягивая до фильтра третью подряд сигарету, осознавал это вполне отчетливо.

— Поплачь, парень, поплачь, — услышал вдруг Антон скрипучий старческий голос. — Небось жена была, а?

— Тебе какое дело, — ответил Самарин грубо. — Не стой здесь, отец, ступай своей дорогой.

— Да я что, я ничего, — забормотал старик и суетливо выудил из внутреннего кармана картонный прямоугольник. — На вот, возьми, тебе это.

Прямоугольник оказался визитной карточкой с золотыми виньетками по краям.

В центре стояло имя — Николай Иванович Муравьев, а над ним красовалась надпись, показавшаяся Антону воистину дурацкой, если не издевательской.

— Его сиятельство граф Николай Иванович Муравьев, — прочитал Самарин надпись вместе с именем. — «Сиятельство», надо же, хорошо, не «величество». Что за бред, отец? Зачем это мне? Да и сам ты откуда взялся?

— Работаю я здесь, — старик переступил с ноги на ногу. — Сторож я при морге, пятый год уже как. Николай Иваныч велел позвонить. Зачем — сам тебе обскажет. Ты, парень, ему не перечь, позвони. А мне, извини, идти надо.

Вернувшись домой, Антон привычно двинулся на кухню, извлек из холодильника початую поллитровку и под обрез набухал стакан. Ссутулившись, опустился на стул, выдохнул и зажмурился, гото-

вась проглотить водку залпом. В последний момент сдержал руку — пить внезапно расхотелось. Отставил стакан и, навалившись локтями на стол, кулаками подпер подбородок.

«Пора подводить итоги, — пришла не слишком оригинальная мысль. — Итак, Оли больше нет...»

Антон давно смирился с тем, что Оли больше нет, однако лишь теперь он осознал, что до сегодняшнего дня надежда на чудо все еще теплилась. Сейчас не осталось даже надежды, и Самарин вдруг понял, что ему стало легче. Он подумал, что, опознав тело Ольги, тем самым отпустил ее, — или, быть может, это Ольга его отпустила. О том, что самая горькая правда все же лучше неопределенности, он неоднократно слышал и читал. Теперь предстояло убедиться в этом на собственном опыте.

Впервые за последние два года Антон попытался не глушить разум алкоголем, а проанализировать ситуацию. Мысли путались: привыкший к ежедневным выпивкам организм требовал спиртного и категорически отказывался думать. Усилием воли Антон встал из-за стола, побрел в спальню. Теща иногда прибирала на кухне и в ванной, вытирала пыль в гостиной, но сюда не заглядывала. Самарин с отвращением оглядел запущенную комнату, покрытые слоем пыли книжные полки, воцарившийся повсеместно беспорядок. Он шагнул к окну, отвернул шпингалет и распахнул фрамугу. Промозглый ноябрьский ветер мгновенно ворвался в комнату, хлестнул порывом в лицо. Антон глубоко вдохнул и закрыл глаза. Он простоял так, на ветру, минут пять, пока не почувствовал, что стало слишком холодно. Тогда он захлопнул окно, вновь огляделся и решил приняться за уборку. Швабру, тряпки и веник пришлось разыскивать, пылесос найти и вовсе не уда-